

2. Nietzsche F. Sobranie sochinenij: in 2 vol. Moscow, Sirin, 1990.
3. Postmodernism i cultura. Materialy kruglogo stola // Voprosy philosophii, 1993, № 3, pp. 9–16.
4. Chuchin-Rusov A. E. Novyi culturny landshaft: postmodernism ili neoarchaika? // Voprosy philosophii, 1999, № 4, pp. 24–41.
5. Ilyin I. P. Poststructuralism. Deconstructivism. Postmodernism. Moscow, Intrada, 1996, 253 p.
6. Eremeev L. A. Frantyzskyi literaturnyi modernism (traditzii i sovremennost). Kiev, Naukova Dumka, 1991, 117 p.
7. Bern E. Igry, v kotorye igrayut ludi. Ludi, kotorye igrayut v igru. Moscow, University book, 1998, 398 p.

**«ПОВЕСТЬ О ПЕТРЕ И ФЕВРОНИИ МУРОМСКИХ»
В СВЕТЕ ТРАКТОВКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ***

Karabuženko Pavel Leonidovich, доктор философских наук, профессор, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: Pavel_karabushenko@mail.ru.

Предлагается герменевтический анализ одного из самых популярных и неоднозначных в оценках агиографических текстов Московской Руси, имеющий не один, а сразу несколько смысловых слоев и значений. Используемый в работе метод исторической герменевтики раскрывается как универсальное средство исследования подобного рода литературных памятников прошлого. Основная цель подобного исследования – установить точки соприкосновения исторической достоверности и исторической мифологии, выявить культурно-психологическую особенность контекста и политическую заинтересованность заказчика текста.

Ключевые слова: агиография, любовь, святость, историческая герменевтика, история, правда и вымысел, аллегория, фальсификация

**“THE STORY ABOUT PETER AND FEVRONIA MYROMSKY”
IN THE LIGHT OF HISTORICAL HERMENEUTIC TREATMENT**

Karabushchenko Pavel L., Doctor of Philosophy, professor, Astrakhan State University, 414056, Rusia, Astrakhan, 20a Tatischev st., e-mail: Pavel_karabushenko@mail.ru.

The author offers hermeneutic analysis of one of the most popular and ambiguous in estimations of hagiographical texts of the Moscow Russia, having not only one but even some semantic layers and values. Thus, the method of historical hermeneutics used in the work, reveals as a universal remedy of research of a similar sort of literary monuments of the past. The main objective of similar research – to establish things in common of historical reliability and historical mythology, to reveal cultural-psychological feature of a context and political interest of the customer of the text.

Keywords: hagiography, love, sanctity, historical hermeneutics, history, the truth and fiction, allegory, falsification

Русский писатель и публицист протопоп Ермолай Прегреиний (в монашестве – Еразм) (1500-е гг., Псков – 1560-е гг., Москва) вошёл в историю русской средневеко-

* Работа выполнена при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект 2012-1.1-12-000-3001-057 «Фальсификация политической истории: от достоверности идеологической к достоверности научной».

вой литературы как автор самой известной повести и самого неудачного жития о князьях Петре и Февронии Муромских [14]. Почему неудачного жития? Потому что написанная им около 1547 г. повесть столь отличалась от канонов агиографической литературы, что митрополит Макарий¹ не стал включать её в составляющиеся в это время «Великие Минеи Четыни». Исследователи отмечают, что по своему жанру данная «Повесть...» не находит соответствий ни с исторической повестью, ни с агиографической традицией. Непохожесть этой повести объясняется тем, что в ней объединены два народно-поэтических сюжета: волшебная сказка об огненном змие и сказка о мудрой деве [1; 7; 8]. Причём эти сюжеты именно объединены, а не логически вытекают один из другого.

Ермолай был настоятелем дворцового Спасского собора Москвы и входил в интеллигентскую элиту эпохи начала правления Ивана Грозного. В феврале 1547 г. царь женился на Анастасии Романовой. К этому же времени относится и создание повести Ермолая. Тогда же (в феврале 1547 г.) состоялся и церковный Макарьевский собор, на котором были канонизированы Пётр и Феврония Муромские. Получается, что канонизация святых, создание повести о них и женитьба нового царя совпадают по времени и могут интерпретироваться нами как некая система. Возникающие параллели между текстом и историческими событиями указывают на то, что их надо рассматривать комплексно, через призму исторической герменевтики.

Несколько слов о том, что представляет собой метод исторической герменевтики. Прежде всего, речь идёт о восстановлении культурно-психологического контекста исследуемого текста и выявлении явных расхождений с существовавшей тогда традицией. Историческая герменевтика – это также погружение в сущность исторической личности, выявление её тайных и явных замыслов и побуждений. Это, наконец, обнаружение и разоблачение фальсификации или литературной фантазии автора текста. Для этого анализа важно установить границы, отделяющие реальность от фантазии, выяснить, что (какие условия и обстоятельства) и кто является источником и автором мифологического восприятия исторической действительности [5].

При этом историческая герменевтика обращает внимание на детали быта, нравов и обычаях того времени, о котором идёт повествование, и их соотношение с обычаями, нравами и деталями быта времени создания произведения, характеризующими уже авторское восприятие действительности. Историческую герменевтику не устраивает описательный характер анализа этого литературного произведения, который мы, например, видим у Д.С. Лихачёва [8, с. 292–299]. Её интересуют более глубинное проникновение в замысел автора и в психологию главных действующих лиц этой истории. Именно в этом двойном проникновении и выражается кредо исторической герменевтики.

Историческая герменевтика выясняет в истории попранную неправдой истину, для чего ищет и аккуратно вынимает из исторического текста шитые белыми нитками скверные истории прошлого. Образно говоря, историческая герменевтика предполагает логическое соединение *литературного пасьянса* (выяснения сущности текста как единичного, так и во множественном числе) с *историческими шахматами* (сопоставлением с реальными фактами событий и исторических лиц). При этом взаимоотношение между пасьянсом и шахматами должны носить диалектический характер, т.е. быть не просто верифицируемыми, но и реставрированными (возвращенными к их исторической действительности).

И ёщё об одном принципе исторической герменевтики – принципе отсечения всего лишнего. Данная процедура работы с текстом восходит ёщё к средневековой схоластике и связана с принципом «бритвы Оккама», когда исследование избавляется от всей второстепенной или ненужной (мешающей для её работы) информации, содержащие многочисленные повторы или неточности (или даже ошибки), затрудняющие наше конкретное

¹ Митрополит Макарий (в миру: Михаил) (ок.1482, Москва – 31.12.1563, там же) – ученик Иосифа Волоцкого, архиепископ Новгородский (с 1526), митрополит Московский и всея Руси (с 1542), канонизирован РПЦ в лице святителей.

понимание сути истории. «Лишними» в данном случае могут оказаться и работы других авторов, содержащие иные, чем наша собственная трактовка, интерпретации текста. В таком случае конкретное исследование избавляется от информационной зависимости предшествующих поколений учёных, когда используется не весь их суммарный потенциал, а лишь «аналитические выжимки», принципиальные выводы, достаточные для дальнейшего диалектического развития научного знания.

Возвращаясь к тексту «Повести о Петре и Февронии Муромских», мы должны признать, что перед нами многослойный в интерпретации текст с действующими в нём многосложными историческими персонами. Перед нами фактически два разных князя Петра – исторический и литературный. Исторический князь Давид/Петр¹ унаследовал Муромский престол после смерти своего старшего брата Владимира (возможно в крещении Павла), правившего Муромским княжеством с 1176 по 1205 г. При этом у него был младший брат Юрий Юрьевич, между 1220 и 1228 гг. владевший каким-то муромским уделом и умершим в один год со своим братом [11, т. 2. с. 732–733]. В том же году скончались супруга Давида/Петра Муромского княгиня Феврония (в иночестве св. Ефросиния) и их младший сын Святослав. 1228 г. стал фатальным для этого княжеского семейства. Именно этот факт и отражён в Повести Ермоля, всё остальное – полёт его фантазии.

О характере реального (исторического) князя Петра мы мало что знаем. В характере литературного князя Петра очень много странного; главное: у него отсутствует социальная предубеждённость о неравном браке. А это нарушение не просто социальной иерархии, но и апостольского писания: «Каждый оставайся в том звании, в котором призван... В каком звании кто призван, братия, в том каждый и оставайся перед Богом» (1 Коринф. 7:20-24). И пишет это апостол Павел, небесный покровитель брата князя Петра Муромского. А эта странная, если не больше – подозрительная – привычка князя Давида одному ходить по церквям («Было у Петра в обычье ходить в одиночестве по церквам»)? Не есть ли это своего рода намёк на возможное монашество Петра, ведь князь ходит в церковь один, т.е. без слуг и друзей (своего мирского сопровождения). И то, что он находит в церкви («Агриков меч»), не мирское, а духовное.

Автор «Повести о Петре и Февронии Муромских» Ермолай/Еразм явно не справился с возложенным на него послушанием – написать житие благоверных князей. Написанная им «Повесть...» является фактически не агиографическим, а светским произведением, по тексту которого разбросана масса предупреждений и оправданий самого автора, чтобы ему в этом рассказе никто и ничему не верил. Автор словно извиняется за то, что вместо жития (агиографии) предлагает повесть (сочинительство). Для этого он переходит на язык аллегорий и начинает разговаривать с читателем на двойном языке, из-за чего в тексте появляется несколько пластов смысла. В настоящей работе мы проанализируем лишь тот смысл, который отвечает за связь литературного вымысла с исторической действительностью.

С самого начала в повести возникает некая нелепость – молящегося в одиночестве и, по-видимому, уже принявшего или собирающегося принять постриг князя Петра призывает старший брат, даёт ему ответственное поручение, в результате которого Пётр вынужден жениться на простолюдинке. Ситуация с точки зрения средневековых ценностей совершенно бредовая, гротеская, скандальная, даже греховодная. Единственное оправдание сему – чистая любовь. Но брак Петра с Февронией внешне выглядит браком не по любви, а по принуждению, т.е. он начинается со

¹ Давыд Юрьевич (? – ум. 25.06.1228, Муром) – муромский князь (с 1205 г.), сын князя Юрия Владимировича Муромского (ум. 1176), внука Владимира Святославича (ум. 1162), первого великого князя Рязанского. Жена: Феврония (ум. 1228); дети: Евдокия, Юрий (убит 1237), Святослав (ум. 1228). В политике был союзником Всеволода Большое Гнездо и его сыновей. Принимал участие в знаменитой Липицкой битве (1216). Традиция считает, что именно этот князь и его супруга являются канонизированными и почитаемыми православной церковью святыми Петром и Февронией.

скандала. Семейный скандал не может быть частью агиографии. Автор осознанно идёт на нарушение канона жанра, предлагая читателю совершенно мирскую историю грехопадения и грехоочищения. Описанный им случай не исторический, а символический. Перед нами – аллегория, нуждающаяся в дешифровке. Именно этой дешифровкой мы и намерены заняться, используя метод исторической герменевтики.

В повести показаны два типа семьи – светская (семья князя Владимира/Павла) и духовная (семья князя Давида/Петра). Первая подвержена всем соблазнам и порокам грешного мира, в центре которого стоит супружеская измена. Причём изменником является сам князь Павел, которого искушает некий змей (символ лукавства, блуда, измены). Скорее всего, в «Повести...» князья Павел и Пётр – это одно и то же лицо. Хотя братья и являются историческими личностями, князь Пётр на самом деле носил имя Давид, которое считают его якобы монашеским именем (если бы это было так, то тогда житие должно было быть о Давиде, а не о Петре), а князя Павла на самом деле звали Владимиром. Муромские святые Пётр и Феврония были канонизированы на соборе 1547 г., а с 2008 г. в России День Петра и Февронии (8 июля) стал отмечаться как День семьи, любви и верности¹. Однако говорить о том, что эта история весьма популярна, не приходится. Некоторые отечественные авторы лишь вскользь упоминают об этих святых [2, с. 205], другие и вовсе об них молчат [6; 12], да и об их канонизации тоже недостаточно информации [13, с. 176]. Идеологическая подоплёка этой истории и праздника очевидны – сохранение семейных ценностей перед угрозой «протестантской глобализации нравов». Но нас интересует совершенно другое – то, насколько вся эта история сопричастна с исторической истиной.

Основная мысль произведения – человек может бороться с ложью самого лукавого, если имеет доброе сердце и чистую совесть. Молитва – это самое страшное орудие против дьявола. Но в этой истории к молитве добавляется ещё и премудрость Божия, что многократно усиливает её, делая непобедимой. Повесть, как мы отмечали выше, пронизана аллегориями. Именно как аллегорию нам и следует её воспринимать. Начнём с главного отрицательного персонажа – змея.

Положительные герои «Повести...» выясняют, что повадившийся к ним в гости змей (ложь) умрёт от «*петрова плеча и Агрикова меча*». Уже в этом словосочетании заключается некая загадка, которую предстояло решить читателю. Постараемся и мы разобраться в этом хитросплетении образов. «Агриков меч» – это символическое название агиографии (от греч. ἄγιος – святой), жития святого (в данном случае речь идёт не о тексте Жития, а о жизни-житии самого святого князя, которая осталась автору этого произведения неизвестной). Выражение «петрово плечо» – это намёк на православную церковь. («Пётр» – это камень, на котором возникла христианская церковь; поскольку речь идёт о разящем мече, то имеется в виду правая рука, т.е. в переводе этой аллегории – православие). Иными словами, ложь погибнет от православной святости.

Аллегорией является и обретение Петром Агрикова меча («*в алтарной стене меж плитами щель, а в ней лежит меч*» [4] – это место, ведущее в рай) и то, кто его ему показывает – некий безымянный отрок. Но имя этого отрока нам на самом деле хорошо известно – это «Правда», ибо «устами младенца глаголет истина». Алтарь (лат. *altaria* – от *altus* – высокий) – это вершина святости на земле, с которого начинается верная дорога в рай. Именно из райского места Пётр вынимает меч правды, которым поражает змея (ложь). Далее интерпретируя историю со змием, мы можем допустить, что он олицетворяет собой ту фантазию, которую автор допускает в от-

¹ Традиция считает, что кончина святых князя Давида (Петра) и княгини Февронии (Евфросинии) последовала в один день и час в период Пасхальной Седмицы, выпавшей на апрель 1228 г. Летописи при этом дополняют, что за несколько дней перед этим скончался их младший сын – князь Святослав Давидович (который, предположительно, также был погребён в княжеской усыпальнице вместе со своими родителями). По всей видимости, эта тройная кончина и послужила основой для создания легенды о праведной жизни княжеской четы.

ношении своих главных героев (святых), а мудрая дева – это православная святость, точнее, София (премудрость Божия). Получается, что бы автор не написал о них, православная премудрость поймёт, где семена церковной святости, а где плевелы мирской привольности.

С политической точки зрения, убийство князем Петром змея выглядит как намёк на причастность реального князя Давида к смерти своего брата. Ведь в тексте речь идёт о том, что Пётр убивает ложного двойника своего брата¹. При этом победитель получает не награду, а наказание (кровь убитого змея обрызгивает его и он покрываются язвами страшной неизлечимой болезни – проказой). Сам этот факт указывает на то, что литературный Пётр, возможно (ошибочно, или преднамеренно?!), убивает своего реального брата, и автор текста в такой зашифрованной форме намекает нам на это трагическое для муромского княжеского дома событие. Д. С. Лихачёв никак не комментирует этот фрагмент повести, а лишь пересказывает общий его ход развития [8, с. 293]. Но вместе с тем, если змей является образом мировой лжи, то капли его крови, отравившие жизнь князя Петра, являются фальсификациями данной истории. Во всяком случае убийство змея – весьма запутанная история, если принять во внимание, что змей и Владимир/Павел по ходу повествования меняются местами, что может быть намёком на то, что это один и тот же персонаж (т.е. не жена Павла была «блудница», а сам князь был изменником, вёл неправильный образ жизни). Весьма скандальная история. Но куда больший феодальный скандал – жёнитьба князя Петра на простолюдинке (дочери бортника).

Если убрать мистику и рассмотреть метафору как некий намёк, то в истории князя Павла/Владимира Муромского речь фактически будет идти о раздвоении его личности – он одновременно и благородный князь, и змей-искуситель. И то, что его брат убивает одну из его ипостасей, указывает на то, что он исправляется. Ведь поверженной оказалась ложная сущность князя Владимира. Во всяком случае, в глазах тогдашнего обывателя блудливый князь выглядит не столь скандально, как его брат, женившийся на простолюдинке.

Деву Февронию Д. С. Лихачёв сравнивает с ангелом Рубlevа – тихая, кроткая, волевая, готовая на подвиг самоотречения, а мудрость её является мудростью народа. Её «рублевская задумчивость» не бездумна [8, с. 292–294]. Мы вообще можем усмотреть в её образе земное воплощение Св. Софии. Нас несколько настораживает то, что девушка фактически вытогрывает себе замужество, отказываясь от обычной награды. Но во всём остальном она демонстрирует верх народной мудрости.

История болезни и выздоровления князя Петра напоминает собой другую знаменитую средневековую любовную историю – о Тристане и Изольде (Изольда тоже излечивает Тристана, заражённого кровью убитого им дракона) [8, с. 294]. Ермолай Прегрешный мог быть знаком с этой западноевропейской романтической историей через своё столичное общение с иностранными купцами и дипломатами, или, что тоже не исключено, благодаря эрудиции Максима Грека. Если так, но налицо явное заимствование этого фрагмента из западной любовной светской литературы. Для протопопа русской православной церкви подобные знания были действительно прегрешением против агиографической традиции. Неизвестно, за какие прегрешения он был удостоен такого прозвища (скорее всего, взял сам, ради смирения гордыни), но, может быть, именно за то, что его повесть о муромской святой чете получилась светской, а не агиографической?

Повесть сообщает, что супружеская чета «городом своим управляли со справедливостью и кротостью, а не с яростью» [4]. Странно, что Ермолай пишет об управлении во множественном числе, словно и жена тоже управляла вместе с мужем

¹ За совершённый подвиг (убийство змея) следует не награда, а наказание. За убийство лжи Пётр наказан самой страшной болезнью. Это заставляет предположить, что на самом деле князь Давид был причастен к смерти своего брата. Именно после этого князь Владимир практически пропадает со страниц этой повести, поскольку направленный к Февронии слуга представляется слугой муромского князя Петра [4].

Муромским княжеством. История же боярского мятежа в Муроме, когда супруги были вынуждены покинуть город, может быть расценена как выпад против русской аристократии и в защиту самодержавия. По времени своего создания «Повесть...» как раз приходится на ранние годы правления царя Ивана IV, когда ему приходилось делить свою власть с именитыми боярскими родами. Поэтому говорить о том, что перед нами – реальное историческое событие, тоже не приходится. Скорее всего, это некая притча, а не фиксация исторического факта. Вся эта история с боярским мятежом в Муроме в начале XIII в. не что иное, как политический комплимент нарождающемуся русскому самодержавию середины XVI в.

История с муромским мятежом бояр выглядит как некий анекдот, издавательство над местной аристократией. Всё, о чем пишет автор, противоречит «Домострою» (кстати, созданному примерно в то же время): **«Бояре, по наущению жён своих, не любили княгиню Февронию, потому что стала она княгиней не по происхождению своему»**. Поэтому они наговаривают на княгиню, считая, что она ведет себя не по чину. **«Княже, – обращаются они к нему с требованием, – готовы мы все верно служить тебе и тебя самодержцем иметь, но не хотим, чтобы княгиня Феврония повелевала жёнами нашими. Если хочешь оставаться самодержцем, пусть будет у тебя другая княгиня... Неистовые же бояре, потеряв стыд, задумали устроить пир. Стали пировать и вот, когда опьянили, начали вести свои бесстыдные речи, словно псы лающие, отрицая божий дар святой Февронии исцелять, которым бог наградил ее и по смерти»**. Причина для бабьего политического бунта просто смехотворна, но объяснения автора вполне убедительны для человека XVI в. Всё дело в том, что **«в душе каждый из бояр надеялся самодержцем стать»** [4]. И, как следствие этого неразумного правления, – вывод (звучавший как приговор для родовой аристократии эпохи самого Ивана Грозного): **«много вельмож погибло в городе от меча. Каждый из них хотел властвовать, и в распре друг друга перебили. И все уцелевшие вместе со всем народом»** стали молить князя вернуться обратно к браздам политического правления [4]. Роль бояр просто отвратительна¹. Однако Ермолай умалчивает, что князем в тогдашней Руси могли быть только Рюриковичи и что муромские бояре не имели феодального права на монаршую власть. Поэтому он рассказывает всем уже не быть, а небылицу.

«Бабий бунт» – своего рода пародия на политическую активность родовой аристократии. С точки зрения культурно-психологических традиций того времени вся эта история – полнейший анекдот. Его отдалённым источником могут быть комедии Аристофана «Лисистрата» и «Женщины в народном собрании», в которых описываются подобные «бабьи бунты». Во всяком случае Ермолай явно переоценил роль русских женщин в политике XIII в. Явные расхождения с «Домостроем» были понятны для человека его эпохи, и современные исследования должны учитывать эти особенности.

В патриархальном обществе непатриархальные отношения воспринимаются как вызов системе. Но чтобы этот вызов был реальностью, необходимы некие системные условия, которые вряд ли могли возникнуть в домонгольской Руси. Выдающийся русский драматург А.Н. Островский в своей исторической драме «Василиса Мелентьева» вкладывает в уста царя Ивана следующие слова, обращённые к царице Анне:

¹ Известно, что сам Ермолай неоднократно выступал с критикой бояр-притеснителей, связывая с самодержавием гуманистические надежды на послабления крепостного гнёта. Он призывает царя к действиям на благо всего общества: «ко благополучию всем сущим под ним, не единеми вельможами еже о управлении пещис, но и до последних» [10, с. 193]. В своём «Молении к царю» Ермолай-Еразм жалуется на притеснения и враждебное отношение к себе со стороны царских вельмож [3]. Так что в этой истории автора можно уличить в личном сведении счётов со знатью вообще.

«Ступай!
В мои дела вперёд не смей мешаться,
Свой угол знай! И помни: бабий разум
Не так велик, чтоб можно было людям
Показывать его. Для вас довольно
Запечных дел. И то проси у бога,
Чтоб в пяльцах шить рассудку доставало» [4].

Красноречивее всякого «Домостроя». Но это и есть «Домострой», в котором роль женщины ограничивается лишь «запечными делами». А Ермолай рассказывает нам о бабьем бунте. Политика и печные дела несовместимы. И это прекрасно понимали люди того времени. Для человека его эпохи это политическая сатира на их бытовавшие патриархальные устои. Над этой историей смеялись бояре и цари, поскольку понимали, каким нужно быть политиком, чтобы довести дело до подобного состояния.

В «Повести» действительно слишком много политики и мало агиографии. О чудесах автор упоминает вскользь. Все чудеса у него связаны с главным женским образом. Князь Пётр здесь остаётся на вторых ролях, он всегда находится в тени более совершенной личности, своей супруги. Да и как политик он никакой, ибо что это за князь, которого его же собственные бояре под надуманным предлогом отстранили от власти? Образ, мягко говоря, не княжеский. Это снова антипатриархально, а, значит, скорее всего, и нереально.

Автора повести совершенно не интересует семейная жизнь Петра и Февронии. Он опускает все её событийные подробности (например, такой важный момент, как рождение и воспитание детей). Для него важно лишь начало (рождение любви) и финал (святая кончина). При этом князь Пётр снова выступает в роли просителя. Он снова упрашивает супругу, на сей раз уже не о спасении в жизни, а о спасении в смерти. «**Когда приспело время благочестивого преставления их, умолили они бога, чтобы в одно время умереть им. И завещали, чтобы их обоих положили в одну гробницу, и велели сделать из одного камня два гроба, имеющих между собою тонкую перегородку. В одно время приняли они монашество и облачились в иноческие одежды. И назван был в иноческом чину блаженный князь Пётр Давидом, а преподобная Феврония в иноческом чину была названа Ефросинией**» [4].

Перед смертью Феврония (в монашестве Ефросинья) «вышивала лики святых на воздухе для соборного храма Пречистой Богородицы», когда ей пришла весть о смерти бывшего мужа: «**Она же в это время заканчивала вышивание того святого воздуха: только у одного святого мантию ешё не докончила, а лицо уже вышила; и остановилась, и воткнула иглу свою в воздух, и замотала вокруг неё нитку, которой вышивала**» [4], тоже отошла в мир иной. За этой аллегорией скрывается глубокий религиозный смысл. Игла – это символ врат Рая (угольное ушко), обмотанная вокруг иглы нить – символ жизни главной героини (ибо вся её жизнь вращалась вокруг этой праведности), а полотно («воздух»), в которое была воткнута игла, – это святоотеческая традиция, святая православная церковь. Вышивает она ангельские лики – двойной намёк на монашеский чин и на то, что она сама является для автора личностью (последнее, что она делает в своей жизни – делает узнаваемым лицо ангела, а для этого она сама должна быть личностью). Вышивание лица святости – самый сложный на Земле труд, равносильный творчеству.

Ермолай Прегрешный создал неправдоподобную повесть о праведной жизни, полную многочисленных намёков и двойных аллегорий. То, что он пишет, быть может, не имеет никакого отношения к исторической действительности. Но ему эта историческая действительность не важна. Ему важна заложенная в его повести идея святости. Этого не было, но так могло быть. Само прозвище автора этой повести указывает, что он сознавал то, что творит, и каялся в своей слабости. Сам он так отзыvается о своём труде: «**Помяните же и меня, прегрешного, написавшего всё то, что я слышал о вас, не ведая – писали о вас другие, сведущие более меня, или нет**» [4]. Иначе говоря, автор (Ермолай) признаётся в своей выдумке, утверждая, что его рассказ неисторичен. Себя он именует грешником и невеждой, но свою сочинительст-

во оценивает как благое намерение: «Желая вам на земле хвалу воздать, настоящей хвалы ещё и не коснулся. Хотел вам ради вашего кроткого правления и праведной жизни сплести венки похвальные после преставления вашего, но по-настоящему ещё и не коснулся этого. Ибо прославлены и увенчаны вы на небесах истинными нетленными венками общим владыкой всех Христом» [4]. Фактически Ермолай сам себя оценивает как фальсификатора – он не ведает, что в действительности было, но примерно восстанавливает ход событий, учитывая прославление своих героев.

Автор явно путает причины и следствия. У него Феврония уже при жизни является святой и творит чудеса. Она добра, мудра и прозорлива. Её муж – её прямая противоположность (нерешительный, легко убеждаемый, непостоянный в данном слове, хотя простодушный и под её влиянием начинающий действовать по совести). В «Повести...» Пётр и Феврония – вначале неравнозначные фигуры: князь – созерцательная натура, Феврония созидательная. Но в конце «Повести...» они «выравниваются» – ложатся в один гроб святыни. Кроме истории с гробами Петра и Февронии, никаких иных посмертных чудес автор «Повести...» нам не сообщает. Тем самым он окончательно отходит от агиографической традиции в сторону светского рассказа.

Получается, что «Повесть о Петре и Февронии Муромских» Ермолая/Еразма – это своего рода побасенка, притча, а не историко-агиографическое описание реальной жизни святых. Ермолай не выполнил поручение митрополита Макария – жития святых у него не получилось. И Макарий честно признал, что это брак. Кстати, именно после этой истории между митрополитом и протопопом наступает охлаждение отношений. Это не опала, а именно охлаждение отношений вследствие расхождения в каких-то взглядах. В этом и заключается прегрешение Ермолая и его самобичевание, ибо светское заслонило в его рассказе клерикальное. И всё-таки пред нами – своего рода нетрадиционная (приближенная к светской жизни) агиография, поскольку речь в «Повести...» всё равно идет о жизни святых, которые, хотя и грешили в своей земной жизни, но добились прощения и прославления. Так рождаются легенды, необходимые для позитивного формирования национального самосознания.

События в реальной истории могли развиваться по совершенно иному сценарию. На основе имеющихся прямых и косвенных оснований мы можем предположить, что князь Давид был действительно как-то причастен к смерти своего старшего брата, гибель которого открыла ему путь на муромский престол. История его страшной болезни, возможно, является свидетельством того подозрения (или даже обвинения), которое висело над его душой за братоубийство. Женитьба на простолюдинке тоже идёт в минус характеристики исторической личности этого князя, поскольку он попрал все существующие тогда каноны княжеского права и приличия «великосветского общества». А вот с появлением в этой истории Февронии в его жизни появляются плюсы. Жена, видимо, помогла замолить грехи мужа и наставить его на праведный путь. И то, что они оба преставились в период Пасхальной Седмицы апреля 1228 г., было воспринято многими как Божие соизволение, ибо смерть в Пасху открывает врата рая.

Данной реконструкцией мы всего лишь пытаемся восстановить ту историческую достоверность, которую Ермолай скрыл за плотной занавесью своих аллегорий. В нашем желании реконструировать прошлое нет никакого кощунства в отношении самих святых (в их святыни мы ни разу не усомнились). Мы усомнились в том, что созданная Ермолаем «Повесть...» является агиографическим произведением.

Главная идея «Повести...» может быть сформулирована следующим образом: любовь – это поддержание друг друга в святыни; это докрещовное восстановление состояния Адама и Евы. При этом автор сознательно избегает тему детей и материнства, от чего брак Петра и Февронии становится неполноценным, пустым с точки зрения мирских традиций, но платоническим с точки зрения внешней философии. По нашему мнению, дети являются единственным оправданием существования брака между мужчиной и женщиной. Здесь мы этого не видим. Здесь мы видим обоюдное

стремление супругов к святости в рамках монашеской практики. И то, что у них от брака были дети, рассказчика Ермолая совершенно не интересует (он сам монах и пишет о монахах).

Очевидно, что данная повесть есть попытка описания деяний. Деяния – это то, что несёт благо от блага и во имя блага. Но как таковых мы их здесь не обнаруживаем. Вместо деяний мы видим плотную пелену аллегорий, за которыми скрывает отсутствие таковых деяний (описанные в повести «чудеса» носят формальный и не совсем исторически достоверный характер). Есть лишь видимость, намёки на то, что они были, но никто не знает, какими они были в действительности. Перед нами – фактически ставшая из-за прошедшего времени неизвестная святость.

На примере анализа данного произведения мы проверили некоторые основополагающие принципы исторической герменевтики, в частности, приём психолого-культурной реконструкции исторической личности, принцип «отсечения всего лишнего» («бритва Оккама»), реконструкции политической традиции, выявление логического соответствия текста, контекста и подтекста. Комплекс этих мер позволяет нам по-новому взглянуть и заново почтеть старинный текст, выявив в нём новые особенности и расставить свои акценты. Универсальный характер метода исторической герменевтики позволяет использовать его при анализе самых разных документов прошлого. Его главной целью является поиск и обнаружение следов фальсификации и реставрация исторической достоверности. Эта же цель служит оправданием его научного существования. Если мы с его помощью решаем задачу по дефальсификации отдельных страниц истории, значит, историческая герменевтика имеет право на существование.

Список литературы

1. Академические исследования повести о Петре и Февронии / ред. акад. А. М. Панченко. – Москва : Наука, 1979.
2. Громов М. Н. Русская философская мысль X–XVII веков / М. Н. Громов, Н. С. Козлов. – Москва : Изд-во МГУ, 1990. – 288 с.
3. Дмитриева Р. П. Особая редакция Повести о Петре и Февронии / Р. П. Дмитриева // Рукописное наследие Древней Руси: По материалам Пушкинского Дома. – Ленинград, 1972. – С. 192–209.
4. Ермолай-Еразм. Повесть о Петре и Февронии Муромских / Ермолай-Еразм // Русская бытоваая повесть XV–XVII вв. – Москва : Советская Россия, 1991. – 448 с.
5. Карабущенко П. Л. Политическая герменевтика / П. Л. Карабущенко. – Астрахань, 2012. – 258 с.
6. Кологривов Иоанн. Очерки по истории русской святости / Иоанн Кологривов. – Брюссель : Жизнь с Богом, 1961. – 417 с.
7. Кусков В. В. История древнерусской литературы / В. В. Кусков. – Москва : Высшая школа, 2003. – 336 с.
8. Лихачёв Д. С. Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси / Д. С. Лихачёв. – Москва : Современник, 1980. – 412 с.
9. Островский А. Н. Полное собрание сочинений / А. Н. Островский. – Москва : ГИХЛ, 1951. – Т. Х: Пьесы 1868–1882.
10. Ржига В. Ф. Литературная деятельность Ермолая-Еразма / В. Ф. Ржига // ЛЗАК. – Ленинград, 1926. – Вып. 33. – С. 103–200.
11. Славянская энциклопедия. Киевская Русь – Московия : в 2 т. / авт.-сост. В. В. Богуславский. – Москва : ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – Т. 2.
12. Флоровский Г. Пути русского богословия / Г. Флоровский. – Вильнюс : Литовская Православная епархия, 1991. – 601 с.
13. Хорошев А. С. Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.) / А. С. Хорошев. – Москва : Изд-во МГУ, 1986. – 206 с.
14. Шляпкин И. Ермолай Прегрешный, новый писатель эпохи Грозного / И. Шляпкин // С.Ф. Платонову ученики, друзья и почитатели. – Санкт-Петербург, 1911. – С. 545–568.

References

1. Akademicheskie issledovaniya povesti o Petre i Fevronii / ed. A. M. Panchenko. Moscow, Nauka, 1979.
2. Gromov M. N., Kozlov N. S. Russkaja filosofskaja mys' X–XVII vekov. Moscow, Moscow State University Publ., 1990, 288 p.
3. Dmitrieva R. P. Osobaja redakcija Povesti o Petre i Fevronii // Rukopisnoe nasledie Drevnej Rusi: Po materialam Pushkinskogo Doma. Leningrad, 1972, pp. 192–209.
4. Ermolaj-Erazm. Povest' o Petre i Fevronii Muromskih // Russkaja bytovaja povest' XV–XVII vv. Moscow, Sovetskaja Rossiya, 1991, 448 p.
5. Karabushhenko P. L. Politicheskaja germenevtika. Astrakhan, 2012, 258 p.
6. Kologrivot Ioann. Ocherki po istorii russkoj svyatosti. Brussel, Zhizn' s Bogom, 1961, 417 p.
7. Kuskov V. V. Istorija drevnerusskoj literatury. Moscow, Vysshaja shkola, 2003, 336 p.
8. Lihachjov D. S. Velikoe nasledie. Klassicheskie proizvedenija literatury Drevnej Rusi. Moscow, Sovremennik, 1980, 412 p.
9. Ostrovskij A. N. Polnoe sobranie sochinenij. Moscow, 1951. Vol. X. P'esy 1868–1882.
10. Rzhiga V. F. Literaturnaja dejatel'nost' Ermolaja-Erazma // LZAK. Leningrad, 1926, iss. 33, pp. 103–200.
11. Slavjanskaja jenciklopedija. Kievskaja Rus' – Moskovija : in 2 vol. / V. V. Boguslavskij. Moscow, OLMA-PRESS, 2001. Vol. 2.
12. Florovskij G. Puti russkogo bogoslovija. Vil'njus, Litovskaja Pravoslavnaja eparhija, 1991, 601 p.
13. Horoshev A. S. Politicheskaja istorija russkoj kanonizacii (XI–XVI vv.). Moscow, Moscow State University Publ., 1986, 206 p.
14. Shljapkin I. Ermolaj Pregreshnyj, novyj pisatel' jepohi Groznogo // S.F. Platonovu ucheniki, druz'ja i pochitateli. St-Petersburg, 1911, pp. 545–568.

**АДЫГСКОЕ ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВО КАК НОВАЯ
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ ЭПОХА.
ИСТОРИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ И ГЕНЕЗИС**

Бекизова Лейла Абубекировна, доктор филологических наук, Карабаево-Черкесский институт гуманитарных исследований при Правительстве КЧР, 369000, Россия, Карабаево-Черкесская Республика, г. Черкесск, ул. Горького, 1а, e-mail: Fatima_M72@mail.ru.

В статье осмыслены первоосновы формирования литературно-художественной традиции адыгов-черкесов. Охарактеризовано творчество адыгских писателей-просветителей, положивших начало формированию национально-художественной традиции адыгов. Произведён анализ литературного творчества писателей-просветителей, обозначивших изначальный этап формирования литературной традиции адыгов-черкесов. В ходе анализа творчества первопроходцев решён целый ряд научных проблем, связанных с принципом изображения человека как представителя этноса, с опорой на этнокультурные традиции адыгов-черкесов.

Ключевые слова: адыгское просветительство, национально-художественная традиция, феномен просветительства, адыгство, адыгский этикет, художественное мышление, художнический угол зрения

**ADYG ENLIGHTENMENT AS A NEW CULTURAL EPOCH.
THE HISTORICAL TYPOLOGY AND GENESIS**

Bekizova Leila A., Doctor of Philological Sciences, Karachaevo-Cherkessian Institute of Humanitarian Research, 369000, Russia, Karachaevo-Cherkessia Republic, Cherkessk, 1a Gorky St., e-mail: Fatima_M72@mail.ru.